

Издание Херсонского Кафедрального собора Сретения Господня. Публикуемый ниже материал представляет собою подборку из проповедей и телепрограмм отца Иоанна Замараева, а также выдержки из богословских работ и выступлений выдающихся христианских мыслителей

9.9.12

№ 56 Седмица

Для духовных размышлений на предстоящую неделю

Священномученик Киприан

На предстоящей седмице мы поминаем священномученика Киприана, родившегося около 200-го года в Северной Африке, в городе Карфагене. Надо сказать, что этот святой был, во-первых, сам по себе довольно яркой личностью, а, во-вторых, ему пришлось решать в Церкви некоторые важные дисциплинарные проблемы, которые в той или иной мере актуальны и сегодня. Вот как, например, Церковь должна поступать с христианами, которые из страха перед безбожной властью отрекались от Христа, а потом, когда опасность миновала, вновь пришли в Церковь? Во втором веке, который обозначен жестокой борьбой с христианством – этот вопрос был крайне злободневным.

Священномученик Киприан был сыном богатого сенатора-язычника, получил прекрасное светское образование и стал блестящим оратором, учителем красноречия и философии в Карфагенской школе. Был так же одним из лучших юристов того края – часто выступал в судах в роли адвоката, защищая своих сограждан (отнюдь не безвозмездно).

Он был очень богатым и жил, наслаждаясь роскошью – часто устраивал пирушки, гулянья – вино лилось рекой, его окружали самые красивые женщины города, и до поры до времени это его полностью устраивало.

Собственно, в таком духе беззаботного веселья он мог бы провести и всю свою жизнь, как это случается с большинством материально обеспеченных счастливицов. Но душа Киприана оказалась гораздо больше, чем у его друзей. Она не смогла до конца заполниться обычными человеческими радостями. Он чувствовал пустоту и неудовлетворенность – как он впоследствии вспоминал: «Я долго оставался в глубокой мгле ночной... далекий от света Истины».

Он искал во всем смысл. И это предопределило его судьбу. Однажды Киприан под руку попался книги с апологиями пресвитера Тертуллиана. Чтение этих трудов помогло Киприану преодолеть весь тот негатив в отношении к христианству, который тогда насаждался властями. Ну а далее он знакомится с пресвитером Цецилием, который становится другом его жизни. Это был переломный момент в жизни Киприана. Он принимает святое Крещение и полностью меняет свой образ жизни. Позже Киприан напишет в одном из своих писем: «Когда возрождающая волна очистила клоаку моей прежней жизни, свет, тихий и ясный, нисшел с Неба в сердце мое. Второе рождение Духом Небесным изменило меня в нового человека, и чудным образом я укрепился против сомнений, мне открылись тайны небесные, осветилось все во мне темное... я узнал, что жившее во мне по плоти для греха, принадлежало земле, а теперь началось Божие, живущее Духом Святым. В Боге и от Бога вся наша сила; от Него – наша крепость...»

Примерно через год после Крещения святой был уже рукоположен во пресвитера, а когда умер Карфагенский епископ Донат (около 248 года), все единодушно избрали епископом святого Киприана.

Святость жизни и мудрость Киприана стали известными далеко за пределами его епархии. Епископы других кафедр часто обращались к нему за советом, как поступить в том или ином случае. Спрашивали, например, как быть с теми, кто отрекся от Христа под пытками палачей и страхом смерти? Дело в том, что как раз в период правления императора Деция, в 249-251 годы, на Церковь было воздвигнуто очередное страшное гонение. Христиан подвергали изощренным мучениям. Многие с честью переносили эти муки и с именем Иисуса уходили в вечность. Но были и

слабые люди, которые отрекались от Христа, но потом жалели об этом и снова приходили к своим братьям и сестрам во Христе с раскаянием. И в Церкви таких далеко не всегда встречали приветливо. Особенно суровыми были те, которые выдержали все пытки, но чудом остались в живых. Они настаивали на том, что для изменников Церковь должна быть закрыта раз и навсегда. Особенно категоричен был один из тамошних пресвитеров Новат, который спровоцировал даже такое раскольническое движение – новацианами их называли. Но Киприан, который сам вскоре примет мученическую смерть, всех учил быть снисходительными – через искреннее покаяние и соответствующую епитимию принимать всех кающихся. Позже, в 251-м году, Поместный Собор подтвердит эту позицию святого, как правильную.

Принять мученическую смерть святителю Киприану было суждено в 258-м году уже при императоре Валериане, но перед казнью святого еще отправляют в ссылку, и это время святой плодотворно использует для написания книг и писем, которые для Церкви оказались драгоценным наследием. Творения святителя Киприана были приняты Церковью как образцы Православного исповедания – достаточно сказать, что его письма и выдержки из книг читались на 3-м и 4-м Вселенских Соборах.

Смерть святого мученик принимал мужественно и беззлобно. Он распорядился заплатить 25 златниц палачу – за вредность работы, так сказать, сам завязал себе глаза и склонил голову на колodu под удар меча.

Тело святителя ночью было взято и погребено на частном кладбище, а в последствии, при короле Карле Великом, на рубеже 8-го и 9-го веков, его святые мощи были перенесены во Францию.

Мир форм

Рассуждая об обрядовости, которое, к сожалению, имеет место и в среде современных христиан, мы вплотную подошли, в общем, к неслучайным понятиям, но очень важным для нашей с вами религиозной жизни, таким как – форма и содержание. Крестное знамение, коленопреклонение, земной поклон. Что это? Внешний жест, форма выражения нашего внутреннего, душевного и духовного состояния. Налага на себя крестное знамение, что мы этим говорим? И кому? Во-первых, мы себе самим напоминаем о том, что мы христиане, и Христос, пострадавший и умерший на Кресте, есть наш Спаситель, а крестная смерть служила искуплению наших грехов. Через Крест Христов мы получаем вечное спасение. Вот тот минимум информации, которую выражает крестное знамение, а если по максимуму, то здесь нужно говорить и о любви Божией, и о Богочеловечестве, и о значении страданий в духовном развитии человека, и много еще о чем. Вот эти священные истины нашей веры, совершая крестное знамение, мы, во-первых, напоминаем себе самим, во-вторых, мы исповедуем Богу то, что во все это мы верим. Ну, и, наконец, мы заявляем миру о своих религиозных убеждениях. Да, крестное знамение – это оружие, инструмент, рудор – довольно эффективная штука. Попробуйте перекреститься на улице, в магазине, в любом публичном месте, и вы почувствуете на себе пристальное внимание. Другое дело, что не надо этого делать, где попало, и просто так, немотивированно, но крестное знамение гораздо информативнее любых фраз, с которыми к вам подходят представители нетрадиционных церквей. С фразой, наподобие того, что Бог любит тебя. Маршрутка или троллейбус переполнен, все утрамбованы, как селетка в банке, кто-то висит на поручне, не касаясь пола, ни назад, ни вперед не двинуться, а тут тебе на ухо шепчет брат во Христе проповедь, начиная с утверждения, что Бог тебя любит. Самое главное, некуда деваться, тебя грузят и напугают, – и это неправильно, а вот крестное знамение, оно не несет в себе никакого насилия. Верующий, он же сам крестится и в первую очередь для себя самого, и от тебя ничего не требует. И если ты даже видеть не хочешь человека, который крестится – отверни голову в другую сторону.

О.Иоанн: «По городу я хожу в гражданской одежде: летом – в футболке, весной и осенью – в кофточке, но иногда надеваю таких средних размеров крест. Раньше я это делал всегда, сейчас это уже не очень актуально. Меня и так все знают – по телевизору, как священника. Вообще я помню, где бы я ни был, глядя на висящий у меня на груди крест, постоянно подходили ко мне люди с вопросами, то есть крест свидетельствовал о том, что я христианин, и либо лицо духовное, либо из таких активных представителей церкви, с которым можно посоветоваться в духовных вопросах. Наверное, ни одной поездки не было, ни

дня, чтобы мне не пришлось с кем-либо беседовать о Боге, но я ни к кому не пристаивал, я никого не агитировал, не напирал на вопросы, типа: «Знаете ли вы имя Божье?» Все это за меня делал знак креста на моей груди».

Есть христиане, особенно среди протестантов, которые объявили войну церковным обрядам. Священные одеяния, формы молитвы и священнодействия отвергают, презренно называя все это религией. Слово «религия» в их устах звучит как слово бранное, но мы-то с вами знаем, сто раз повторяли уже, что слово «религия» от латинского «religare», «связь», имеется в виду связь с Богом. Но поелику латынь учат далеко не во всех учебных заведениях, в отличие от дореволюционных времен, то подлинное значение слова религия многим не ведомо. Кстати зря в общеобразовательных школах не изучают древние языки, пусть даже поверхностно. Без знания древних языков невозможно хорошо понимать современные. Ну, вот, например, «гастроном». Все знают значение этого слова - магазин такой продуктовый. А почему именно гастроном? «Гастро» - по-лат. - желудок, «номос» - закон. Закон желудка, получается. В принципе, это знать не обязательно, для того, чтобы сориентироваться, где и что купить, но подобных слов много. Как минимум, каждое десятое слово - иностранного происхождения, а то и чаще. И непонимание оригинального смысла слов сильно ограничивает, обедняет наше понимание языка. Так вот, христиане из протестантов считают, что форма не нужна, дескать, зачем нам форма? Нам нужна суть, содержание. Зачем подражник священнику, епитрахиль, зачем крест? Пиджачок и галстук - то, что нужно. Свежевыбранный подбородок, аккуратная короткая прическа, и вполне достаточно. Проходит время, и некоторые протестантские пастора начинают понимать, что нет, недостаточно. Во-первых, люди их всерьез не воспринимают. Одно дело - батюшка: с животом, в рясе, с бородой - солидно, а то - дядя в пиджаке. И уже начинают себе кроить сутаны. Есть даже баптистские пастора, которые норовят ходить в рясах православного покроя. Другими словами, навоевались с «религией» в кавычках, в их словопотреблении, и решили ей отдаться. И это, в общем, нормальная тенденция, свидетельствующая о некотором отрезвлении после угара тотального опротестования - против всего и вся. Протестовать против форм в пользу содержания, это, на самом деле, мягко выражаясь, не умно, это все равно, что объявить войну воздуху или воде. Вот не нужен мне воздух, или не нужна мне вода, я и без них обойдусь. Они вредны для моего здоровья. Подобные рассуждения можно услышать разве что в психиатрических лечебницах. Обойтись без внешних проявлений чего бы то ни было абсолютно невозможно. Поэтому, что мы живем в мире форм, жестов, символов. Одеваемся мы, ведь так, как принято одеваться **сегодня**, плюс-минус. Попробуйте одеться в одежду средневековья, и на вас все будут пялить глаза. Обмотайтесь простыней и пройдите по Ушакова, и вас отвезут, куда положено помещать в таких случаях. Встречаясь друг с другом, мы говорим с вами: «Здравствуй». В древности для приветствия употребляли другое слово - «Радуйся». Если вы сейчас начнете употреблять слово «радуйся» вместо «здрасьте», вас будут неправильно понимать. Но гораздо хуже, если вы вообще никак не будете выражать свое приветствие окружающим вас людям. Сочтете, что все это - лишнее. Рукопожатие, например - вам протянут руку, а вы свою за спину спрячете на основании своих умозаключений, что, дескать, рукопожатие это второстепенная форма, это пережиток прошлого, она нам не нужна. Плюс, это негигиенично и прочее. Зачем мне пожимать другому руку, если я могу словами объяснить с ним и выразить ему свое уважение. Ну, во-первых, рукопожатие это на самом деле гениальное изобретение человечества в области невербальных коммуникаций. Рукопожатием ровно за секунду человек другому может сообщить гораздо больше и красноречивее, чем за час разговоров. А во-вторых, беседы это тоже империя форм и символов, - каждое ведь слово это знак, шифр, содержащий информацию. Если мы желаем поделиться с собеседником мыслями, мы их оформляем в термины, слова и выражения. Причем, обязательно на общедоступном языке. Если я не знаю китайского, я не смогу китаю ничего сообщить, разве что жестами. Но жесты это тоже форма, как и язык. Причем, нельзя сказать, чтобы все жесты были универсальными, международными. В той же недалекой Болгарии местные аборигены, слушая вас, будут отрицательно мотать головой, и вас это будет смущать и сбивать с толку. Что бы вы ни сказали, а он машет головой: «нет». Вы продолжаете ему говорить простейшие самоочевидные вещи, а он опять мотает головой: «нет». И, в конце концов, до вас доходит или вам кто-то объясняет, что для

болгар, наоборот, жест, который для нас отрицательный, является утвердительным. Это он не возражает, а соглашается с вами. Если вы в Аргентине попытаетесь позвать кошку нашим: «кис-кис», кошка, скорее всего, убежит от вас, там кошек так не зовут.

Конечно, все формы относительны и исторически обусловлены. Они могут меняться до неузнаваемости. Ну, вот если мужчина в православном храме воидет в шапку, это будет признаком неуважения к святыне. Даже военные и милиционеры, входя в церковь, снимают головной убор, хотя фуражка является для них составляющей официальной формы госслужащего. А вот если в **синагоге** человек снимет свою кепку, в таком случае именно это будет оскорбительным для места, посвященного Всевышнему. Там, наоборот, уважение к святости выражается в **покрытии** головы. Но, так или иначе, форма присутствует, весь мир - это форма, абсолютно все имеет свои формы, и ничего без них не существует на этом свете. Библия это ведь тоже форма. Многие говорят, что это Богооткровение. Так сказать, конечно, можно, но если мы говорим общо, на самом деле, это не совсем так. **Не сама Библия** - Божественное Откровение. **Она содержит** в себе Божественное Откровение. Библия как книга - это листы бумаги, на которых написаны буквы, составляющие слова на том или ином языке. Плюс, нуждающиеся в переводе, более или менее корректном, в комментариях, толкованиях, потому что примеры и образы древних людей не всегда понятны нам, людям века двадцать первого. Т.е. книга Библия - это форма, да, наполненная содержанием, а если вообще говорить поточнее и поаккуратнее, то содержание находится не в самой книге - Божественного Откровения в тексте нет. Откровение, оно может быть воспроизведено в уме и сердце читателя Библии, а может и не состояться. Священное Писание читают, ведь, и враги веры, и никакого Божественного Откровения они там не вычитывают. Так вот, значит, протестующие против форм и обрядов, если бы они были последовательными, то им и от Библии нужно было бы отказаться, потому что это тоже форма, это книга - со словами и буквами. А, по словам того же апостола Павла: «Буква убивает». И с чем же мы тогда остались бы?

Вообще, форма это своего рода передаточные ремни. Великий святой, находясь в состоянии прозрения, составляет богослужение, пишет молитву, гимн, текст церковного песнопения. И этим самым он передает нам свое состояние - предстояние пред Богом, это свое вдохновение. Преподобный Андрей Рублев - великий молитвенник и подвижник - написал икону Святой Троицы, которая уже много столетий поражает весь мир своей глубиной и потусторонностью. Хорошо написанная икона настоящим иконописцем, праведным святым человеком, может передать молящемуся то духовное состояние, которое испытывал иконописец, создавая свой духовный шедевр. Так же, как и слушая музыку, мы приобщаемся к тем переживаниям, тому мироощущению, которые были у композитора в момент написания им произведения. Форма это наш мир, да и мы с вами. Тело, ведь, наше тоже состоит из форм, округлых или угловатых, дряблых или упругих. И лица наши, и глаза, тоже постоянно о чем-то говорят, вешают. Другое дело, форма может быть формальной, каламбурчик такой получается, т.е. формы могут быть пустыми. Если человек крестится, это еще не означает, что он набожный. Целуя икону, человек не обязательно ум свой возносит к Первообразу, если он стоит на коленях - не значит, что он предстоит перед Богом. Если читает молитву, не обязательно значит, что молится. Если он ходит в церковь, это еще не значит что он - христианин и т.д. Форма должна быть наполнена содержанием. Если ты читаешь утренние или вечерние молитвы, это значит, что ты должен хотя бы стараться вникать в слова этих молитвословий.

Форма **служит** содержанию, она есть носитель и хранитель содержания. Если вы покупаете дорогие французские духи, они обязательно будут в пузырьке. И не сам пузырек ценен, но если вы его нечаянно разобьете, значит, безвозвратно лишитесь драгоценной ароматной жидкости. Ну вот, как можно было христианам отказать от литургии Иоанна Златоуста, потому что, мол, это форма. Это, ну просто, обворовать себя, а по большому счету - ограбить. Наши оппоненты обычно говорят: формы не должно быть никакой, все должно изливаться от сердца, вот так сразу - непосредственно, экспромтом. Но экспромт это тоже форма, только наспех собранная. Представляете, чтобы рабочие на мобильном заводе экспромтом собрали машину новой марки. Экспромтом можно собрать скворечник. И те люди, которые экспромт возводят в принцип, опускаются к примитиву.